

УДК 811.161.1

СПЕЦИФИКА НАРРАТИВА КАК ЭЛЕМЕНТА МЕТАТЕКСТА В ПРОИЗВЕДЕНИИ Г. БАТЦА «ГДЕ МАКАР ТЕЛЯТ НЕ ПАС»

Г.А. Хрестолобова

*Кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка и журналистики института филологии и межкультурной коммуникации
e-mail: brams7373@yandex.ru*

Хакасский государственный университет имени Н.Ф. Катанова

В статье анализируется специфика нарратива как элемента не только композиции, но и прагматического центра. Целью исследования является описание модуля текста, обладающего определенным суггестивным потенциалом в произведении Г.Г. Батца «Где Макар телят не пас».

Ключевые слова: *новелла-памфлет, синкретизм жанров, метатекст, суггестивная модель, прагматика текста, нарратив.*

Генрих Генрихович Батц – один из замечательных писателей Хакасии. В 1997 году в издательстве Хакасского государственного университета вышла в свет его новелла-памфлет «Где Макар телят не пас». Автор не случайно в качестве названия выбирает идиому: весь текст пронизан пословицами и поговорками, которые автор вкладывает в уста главных героев – Виктории Андреевны и Тимофея Ивановича. В основу сюжета положен розыгрыш, которым Тимофей Иванович решил ответить на смешки и обидные слова в его адрес. Сам текст новеллы-памфлета являет собой ряд нарративов, которые автор постепенно вплетает в сюжет, образуя метатекст. Под метатекстом в данной работе вслед за Е.С. Бердник мы понимаем «виртуальный текст, создаваемый реципиентом во время диалога-сотворчества с автором посредством словесного художественного текста, являющегося целым завершённым высказыванием, содержащим авторскую систему видения и оценивания мира познания и поступка» [Бердник 2013: 246]. При этом текст, созданный читателем, точнее декодирование той информации, которую ему предоставляет автор, носит характер вторичного текста, соответственно, метатекст – это, по замечанию Н.В. Мельник и Т.Д. Богачановой, вторичный текст, созданный на основе первичной коммуникативной деятельности писателя как адресанта [Мельник, Богачанова 2016: 200].

Автор, выступая в коммуникативном континууме с адресантом, определяет коммуникативную стратегию, которая является основой сюжетной линии произведения. В произведении «Где Макар телят не пас» такой основой является розыгрыш. Как отмечает Н.А. Ашихманова,

коммуникативная ситуация розыгрыша в художественном тексте содержит в себе «потенциальную интригу» [Ашихманова 2017: [http](#)], претерпевающую определенные изменения, что и составляет специфику конкретного произведения. Новелла-памфлет Г. Батца начинается с шутки молодого и не очень трудолюбивого колхозника Макарки над пенсионером Тимофеем Ивановичем. Стремление к коммуникативному лидерству заставляет каждого из героев вести определенную языковую игру, последствием которой является решение Тимофея Ивановича инсценировать свой отъезд в командировку.

Исследуя специфику метатекста в данном произведении, мы отметили, что в авторской интенции, реализованной через нарративы, четко прослеживается конкретная стратегия: то, что сначала кажется шутливым и веселым, позднее предстает совершенно в другом свете. Это позволило нам предположить, что нарратив как конкретная модель обладает, согласно определению Т.М. Рогожниковой, определенным «суггестивным потенциалом» [Рогожникова 2016: [http](#)], который позволяет автору достичь определенных прагматических целей – сделать читателя не только наблюдателем, но и, так скажем, арбитром конкретного исторического момента нашей страны – перестроечного и постперестроечного времени.

Основной линией, или каркасом метатекста, является непосредственно сюжет произведения Г. Батца: Тимофей Иванович обиделся на жену, односельчан за проявленное неуважение к нему, решил их «наказать» своим отсутствием, чтобы пожили без него и осознали ошибочность оценки. С этой целью главный герой прячется у себя в подполе, имитируя свой отъезд в Саратов, однако смерть соседа меняет планы Тимси, так обычно называют Тимофея Ивановича жена и близкие. Мысли Тимофея Ивановича автор представляет во внутренних монологах героя, которые одновременно являются и стержнем кодирования авторской прагматики и модулем (группой сверхфразовых единств) метатекста.

И.Р. Гальперин в монографии «Текст как объект лингвистического исследования» указывает на уникальность текста как продукта речетворческого процесса, который состоит «из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи», при этом текст имеет «определенную целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин 2007: 18]. Художественное произведение композиционно представляет собой соединение сверхфразовых единств по определенным правилам, продиктованным как требованиями жанра, так и интенцией автора. Понятие «сверхфразовое единство» в настоящий момент имеет несколько синонимов, на это указывает Л.С. Ефремова, отмечая, что в современном научном мире

«общепризнанным является мнение ученых о том, что в составе текста функционируют группы предложений, объединенные структурно-синтаксически и по смыслу, – сверхфразовые единства, которые обозначены разными терминами. Наиболее распространенные среди них – «сверхфразовое единство» (Л.А. Булаховский), «сложное синтаксическое целое» (Н.А. Пospelов), «прозаическая строфа» (Г.Я. Солганик), «компонент (целого текста)» (И.А. Фигуровский)» [Ефремова 2011: 91]. Главным признаком сверхфразового единства является то, что оно несет информацию об одной ситуации, что и позволяет выделить ряд предложений в тексте. Текст Г. Батца интересен тем, что при констатации одного факта автор знакомит читателя с несколькими ситуациями, соответственно термин «сверхфразовое единство», равно как и любой другой синоним, на наш взгляд, не передает всей многомерности авторского нарратива в произведении Г. Батца «Где Макар телят не пас». В связи с этим в рамках данного исследования мы вводим понятие «модуль текста», рассматривая понятие «модуль» как «относительно самостоятельную часть какой-нибудь системы, организации» [Ожегов 1992: 370]. Поскольку текст и метатекст являются определенной системой, то под «модулем метатекста» мы понимаем относительно самостоятельный нарративный ряд, обладающий несколькими модулями, которые представлены в сверхфразовых единствах.

Объектом данной работы является внутренний монолог главного героя новеллы-памфлета Г. Батца. Считаем необходимым отметить тот факт, что материалом исследования является не каждый монолог, а только тот, который представляет собой нарратив. Поскольку другие внутренние монологи Тимофея Ивановича передают эмоциональное состояние героя: глубокую обиду на односельчан и жену. Ср.: *«Завертитесь, побегайте все вы там без Тимси! А то подсмеиваться, унижать... Попомните Тимофея Ивановича! Все попомните! А то, ишь, кому ни лень, все командуют, все учат. Я вам не портянка – на ноги не наматываешь, и не шапка, чтобы задом наперед одевать!...»* [Батц 1997: 10]. Предмет нашего исследования – нарративный ряд как модуль метатекста. Читатель одновременно декодирует информацию, представленную автором в модуле, и создает собственный текст, продуцируемый не только фактами из произведения, но и жизненным опытом. Так Г. Батц приглашает потенциального адресата к сотворчеству, сотрудничеству, что продиктовано прагматикой произведения.

Принимая во внимание исследования Т.М. Рогожниковой, считаем целесообразным рассматривать нарратив как вербальную модель, обладающую возможностью создания текста в тексте, то есть метатекстовым потенциалом. Под нарративом в данной работе, согласно концепции М. Яна, мы понимаем определенную форму коммуникации, которая «представляет последовательность событий, вызванных и

пережитых персонажами» [Jahn 2005: 34] Именно тот факт, что все события, о которых читатель узнает из внутреннего монолога главного героя, носят личностный характер, позволяет, на наш взгляд, точнее и объемнее Г. Батцу передать собственную интенцию в данном произведении.

Интересна архитектура новеллы-памфлета Генриха Генриховича Батца. Как мы уже отмечали, в основу положен розыгрыш главным героем своей жены и односельчан. И пока Тимофей Иванович находится в подполье, через его мысли, представленные во внутреннем монологе, читатель узнает много интересных фактов из жизни персонажей, помогающих автору создать многомерный образ не только главных героев (мужа и жены), но и времени, в котором происходит само действие. События прошлого представлены в воспоминаниях Тимофея Ивановича, а настоящего – непосредственно в сюжете (жена вместе с милиционером пытается найти Тимофея Ивановича и вернуть домой). В произведении событийный ряд прошлого тесно переплетается с настоящим (происходящим), что объясняется спецификой выбранного автором жанра, точнее синкретизма жанров. Злободневность и полемическую направленность несут в себе модули метатекста, поскольку читатель в процессе декодирования представленной в нарративе информации создает свой виртуальный текст, вступая с автором в диалог-сотворчество. Можно выделить несколько модулей, позволяющих автору реализовать интенцию в рамках выбранного автором жанра. Условно мы их обозначили следующим образом: «Молодость», «Внуки», «Дети», «Сосед Славик». Проиллюстрируем сказанное на примере анализа одного из выделенных нами модулей.

Модуль «Внуки» автор вводит в ткань повествования после того, как читатель уже познакомился с главными действующими лицами произведения – Викторией Андреевной и Тимофеем Ивановичем – посредством предыдущего модуля «Молодость». Главный герой, сидя в подполье, услышал гомон детворы, который доносился с улицы и *«холодная догадка мурашками проилась вверх между лопатками»*.

– Опять учителя забастовали... Второй раз... Чему такими темпами можно этих (детей. – Г.Х.) научить?... Ну, докатились: не жизнь – малина! Сиди дома, никто ни за что не спросит. – Мысли перекинулись на внука. – Митька, вон, тоже институт бросил. То мы деньжонками малость помогали, а сейчас сами пенсии четвертый месяц не получаем. И за учебу вроде заплачено, а жрать-то что-то надо. Пошел внучок кусок хлеба добывать. А где, как?... В рэкет бы только не подался – там тюрьма или голова с плеч. Эх, Митька, Митька! Внучок перестроечный. Ехал бы к деду, так нет – городским стал! Оно, вдумаешься: и тут живешь – не человек, и там умрешь – не покойник... Кто, за что карает нас?...» [Батц 1997: 22–23]. События в данном отрывке выстроены

последовательно: шум детворы – отмена занятий в школе – забастовка учителей – трудное экономическое положение в стране – родной внук Митька, который из-за экономического кризиса бросил учебу. Данный отрывок представляет собой континуум двух смысловых единств, которые различаются как грамматически, так и по смыслу. Первое единство начинается парцелированной конструкцией, которая позволяет передать настроение литературного персонажа и скорость его мысли. Второе – предложением с противительно-сопоставительным значением, раскрывающим всю сложность ситуации: раньше помочь могли пенсией, а теперь ее (пенсию) задерживают – помочь нет возможности. От проблем общего плана (забастовка учителей) герой переходит к проблемам частного характера (судьба внука). Объединяющим элементом для двух смысловых единств является риторический вопрос, который одновременно выступает началом следующего нарратива в рамках одного модуля «Внуки». Далее дед обращает свои думы к другому внуку: *«Ванятка, Ванятка! Какие ветры злые, по каким краям гоняют тебя? Жив ли еще или....»* [Батц 1997: 23]. Читатель узнает о событиях, связанных с другим внуком. Ванятку призвали в армию, отправили в Чечню, откуда привезли внука в цинковом гробу, однако бабка с матерью настояли на том, чтобы разрешили проститься с Ваняткой по-христиански: *«Тимся сам помогал осторожно, чтобы не повредить крышку, вытаскивать гвозди. Когда показался покойник, все, онемев, в ужасе уставились на обезображенное лицо <...> Но не это было самым неожиданным.*

– Это не он! – воскликнула, отшатнувшись, Виктория.

– Это не мой сын, повторила за ней низким грудным голосом Тоня и взывала: Папенька, маменька, это что же с нами делают?! – и упала без чувств на подхватившие ее руки<...>Лейтенант из Чечни и военком протиснулись к гробу. Для них лучшим выходом из создавшейся ситуации было решение: побыстрее и молча закопать неизвестного солдата <...>но возразил Тимся <...>а Виктория мудро заметила:

– Два греха на душу всем миром не берут» [Батц 1997: 25].

Глаголы прошедшего времени создают не только событийный, но и оценочный ряд: *уставились, воскликнула, взывала.* Данные глаголы содержат экспрессию, которая позволяет автору реализовать коммуникативный замысел, обозначенный жанровым синкретизмом. Кроме этого, восклицательные конструкции также помогают передать авторскую интенцию. При этом следует отметить, что восклицательные предложения Генрих Генрихович использует в той части текста, которая знакомит читателя с ситуацией. А вот, когда правда открылась, и никто не знает, как поступить при сложившихся обстоятельствах, важно отметить прагматическую оправданность использования далее автором глаголов стилистически нейтральных – *возразил, заметила* – и невосклицательных синтаксических конструкций, так Г. Батц дает возможность адресату

самому спрогнозировать и оценить картину последующих событий. В целом все это образует одно сверхфразовое смысловое единство: события, связанные с похоронами внука Ванянки. Другим смысловым элементом данного модуля выступает непосредственно судьба неизвестного солдата, который символизирует определенный момент в истории целой страны. Г. Батц пунктирно обозначает адресату нарратив, вновь приглашая читателя к сотворчеству. Модуль «Внуки» заканчивается мыслями Тимофея Ивановича о судьбе неизвестного солдата: *«А тому солдатику – какая, к черту, родина! Кому надо с ним возиться?! До городского морга довели, оттуда в крематорий, и – прах по ветру. Ни забот, ни хлопот, не мотаться, не искать: где она, его родина. А мать-то с отцом ждут весточки, ждут надежду свою единственную...»* [Батц 1997: 26]. В начале данного монолога мы отмечаем восклицательные конструкции, риторический вопрос – все это передает эмоциональное состояние не только Тимофея Ивановича, но и читателя. В конце данного смыслового единства автор обращается к рядам однородных членов, лексическому повтору, которые выступают маркерами логического ударения. Суггестивный потенциал данных маркеров посредством механизма не только ассоциации, но и прогнозирования позволяет адресанту пригласить адресата к непосредственному участию в коммуникативном процессе – диалогу между автором и читателем. Считаем, что в данном случае целесообразно говорить о суггестивном потенциале вербальной модели, однако это не составляет предмет нашего исследования.

Метатекстовость данного модуля проявляет себя в том, что читатель не только воспринимает представленные нарративы, но и на их основе создает собственный индивидуальный текст, соотнося то, что представил автор, либо с собственным опытом, либо со своими фоновыми знаниями. Если адресат – человек, живший в это сложное перестроечное время, то данные события обязательно накладываются на его воспоминания и, как следствие, параллельно развивается другой сюжетный ряд. В случае, когда адресат не имеет личного опыта (по тем или иным причинам), связанного с эпохой перестройки в России, автор как один из участников коммуникативного процесса предлагает конкретный фрагмент этого времени, который является одним из элементов картины истории России. Таким образом, данный модуль играет роль пазла, который в совокупности с другими модулями-пазлами реализует прагматический потенциал всего текста в целом.

Проведенное нами исследование позволило заключить, что метатекст как текст вторичный предполагает основу, которую в произведении Г. Батца составляет модульный ряд. Автор композиционно выстраивает нарративы таким образом, чтобы читатель декодировал информацию согласно авторской интенции. Суггестивными моделями в данном произведении выступает нарратив, образующий модуль,

позволяющий автору придать тексту злободневность, согласно заявленному жанру.

Библиографический список

Ашихманова Н.А. Розыгрыш как сюжетный мотив // Теория языка и межкультурная коммуникация. Электронный научный журнал. 2017. № 2(25) [Электронный ресурс]. URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/025-001.pdf> (дата обращения: 01.03.2018).

Батуц Г.Г. Где Макар телят не пас: новелла-памфлет. Абакан: Издательство Хакасского государственного университета, 1997. 57 с.

Бердник Е.С. Применение понятия «метатекст» к произведению словесного искусства // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сборник статей по материалам XXIX международной научно-практической конференции. 2013. № 10 (29). С. 237–248.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2007. 144 с.

Ефремова Л.С. Сверхфразовое единство как семантико-синтаксическая единица текста // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. № 3(8). С. 91–93.

Мельник Н.В., Богачанова Т.Д. Соотношение тенденций к персонализации и деперсонализации со степенями проявленности метаязыкового сознания в тексте // Сибирский филологический журнал. 2016. № 3. С. 199–206.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ Ltd., 1992. 960 с.

Рогожникова Т.М. Суггестивный потенциал языковой системы и его стратегические возможности в процессе коммуникации // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2016. № 4(23) [Электронный ресурс]. URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/023-013.pdf> (дата обращения: 01.03.2018).

Jahn M. Narratology: A Guide to the Theory of Narrative. English Department. University of Cologne, 2005. P. 34.